

Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных

© 2023 г. А. Р. Лагно

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

lagnoanna@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Лагно А. Р.* Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных // *Славяноведение*. 2023. № 1. С. 130–139. DOI: 10.31857/S0869544X0024741-8

Borders and Spaces in the History of Eastern Europe: From the Fixed to the Phantom Ones

© 2023. Anna R. Lagno

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lagnoanna@gmail.com

Reference for citation: *Lagno A. R.* Borders and Spaces in the History of Eastern Europe: From the Fixed to the Phantom Ones // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 1. P. 130–139. DOI: 10.31857/S0869544X0024741-8

25 января 2022 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол «Границы и пространства в истории Восточной Европы: от фиксированных до фантомных (вторая половина 1940-х – 1970-е годы)»¹. Изменение границ после Второй мировой войны создало новые условия как для развития отношений между странами Восточной Европы, так и для жизни населения пограничья. Фиксация новых границ еще не означала решения всех существовавших проблем. Утрату каких-либо территорий тем или иным государством метафорически можно сравнить с ампутацией конечности: хотя ее уже нет, но фантомные боли в ней могут ощущаться еще длительное время. Однако несмотря на то что эти фантомные границы уже давно никем не охраняются и не имеют контрольно-пропускных пунктов, тем не менее они продолжают структурировать пространство. Классическим предметом изучения фантомных границ и пространств являются различные субрегионы Восточной Европы. В докладах историков Института славяноведения РАН, прозвучавших на круглом столе, были затронуты проблемы западных и восточных границ Польши, восточной границы

¹ Программа круглого стола доступна на сайте Института славяноведения. URL: <https://inslav.ru/conference/25-yanvarya-2022-g-granicy-i-prostranstva-v-istorii-vostochnoy-evropy-ot-fiksirovannyh-do> (дата обращения: 22.03.2022).

Румынии и западной границы Словакии, венгерско-австрийские и болгаро-греческие аспекты послевоенного территориального урегулирования; освещены исторические процессы, сформировавшие пространства целого ряда как макрорегионов (Югославия), так и микрорегионов (Галиция, Тешинская Силезия, Пряшевщина, Западная Фракия).

Во вступительном слове А.Р. Лагно коротко рассказала о самом понятии «фантомные границы» и современных теоретических подходах к изучению этого феномена². Российский географ В.А. Колосов дает следующее определение: «фантомными называют границы между государствами, утратившие свои наиболее важные функции, но остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющиеся в различных формах в современной экономической, социальной и политической деятельности» [2. С. 4]. В программной статье, опубликованной в ведущем американском научном журнале «*Slavic Review*» в 2019 г., коллектив авторов уточнил понятие фантомных границ и описал его эвристический потенциал, обратив внимание на три основных аспекта. 1) Концепт фантомных границ содержательно связан с изучением опыта обычных людей, а не тех или иных регионов. Институциональные, социальные, структурные особенности рассматриваются не как навязанные «сверху», а скорее, как результат ежедневной деятельности «снизу». 2) Этот подход обращает внимание на восприятие мира населением того или иного региона, которое формируется с учетом опыта, памяти о прошлом и горизонта воображаемого будущего. 3) Повествование о прошлом и видение будущего, в свою очередь, обусловлены также и взглядом «сверху», исходящим от власти, которая определяет, среди прочего, центр и периферию, современные и отсталые регионы [5. С. 386–387].

Первую секцию «“Мерцание границ”: пограничные споры и противоречия во внешней политике стран региона» открыла Т.А. Покивайлова, рассмотрев в своем выступлении изменения восточных границ Румынии на протяжении длительного временного отрезка: с начала XIX до середины XX в. Она подчеркнула, что границы Дунайских княжеств, а затем и Румынии, которые сложились в результате русско-турецких и мировых войн, были закреплены соответствующими международными договорами, подписантами которых являлись в том числе Великие державы. В результате русско-турецкой войны 1806–1812 гг. (Бухарестский мирный договор) в состав России вошла Бессарабия, а по итогам войны 1828–1829 гг. (Адрианопольский мирный договор) – устье Дуная с островами, в том числе и остров Змеиный, расположенный в Черном море. Такая граница между Дунайскими княжествами (Молдавия и Валахия) и Российской империей просуществовала почти четверть века вплоть до Крымской войны 1853–1856 гг. Парижский мирный договор закрепил новую границу: в состав Молдавии вошли три южных уезда, в результате чего Россия лишилась доступа к водной артерии Дуная. Эта граница просуществовала чуть более двадцати лет и была вновь изменена в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой приняли участие Молдавия и Валахия, объединенные к тому времени в одно государство Румыния. Границы между Россией и Румынией, укрепленные в Берлинском трактате 1 (14) июля 1878 г., по сути совпали с теми, которые были установлены еще в 1812 г. Эти границы оставались неизменными на протяжении сорока лет, пока в 1918 г. румынские войска не оккупировали Бессарабию, но советское правительство установленную границу считало лишь временной демаркационной линией.

В межвоенный период СССР в переговорах с Румынией неоднократно ставил вопрос о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. 26 июня 1940 г. он предъявил ноту, в которой потребовал не только возвращения Бессарабии, но и передачи СССР Северной Буковины. Этот регион никогда ранее не входил в состав ни Российской империи, ни Советского Союза, тем не менее 28 июня 1940 г. румынское правительство приняло требования СССР. С 9 сентября по 24 октября 1940 г. работала смешанная советско-румынская комиссия по определению границ, наиболее спорным являлся отрезок по реке Дунай. В основном комиссии удалось договориться о демаркации границы, однако предложение советской делегации об установлении границы по Дунаю с выходом в Черное море и передаче СССР ряда островов Дунайской дельты не было принято, и комиссия прекратила работу. В тот же день советские пограничные войска заняли острова и тем самым установили фактическую границу на Дунае.

Т.А. Покивайлова подробно рассмотрела переговоры в верхах о румынско-советской границе, которые велись после того, как Румыния в результате государственного переворота 23 августа 1944 г. вышла из войны с СССР и присоединилась к антигитлеровской коалиции. 12 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии, в четвертой статье которого устанавливалась государственная граница между СССР и Румынией по состоянию на 28 июня 1940 г. Однако окончательное решение этого вопроса было отложено до мирной конференции, которая открылась в Париже 29 июля

² См. проект *Phantomgrenzen in Ostmitteleuropa* (2011–2017). URL: <http://phantomgrenzen.eu/> (дата обращения: 22.03.2022).

1946 г. В вопросе границы с Советским Союзом Румынию в большей степени волновала принадлежность островов в устье Дуная, нежели новый участок советско-румынской границы в Закарпатье. Председатель румынской делегации Г. Тэтэреску подал 16 сентября 1946 г. в Генеральный Секретариат конференции меморандум, в котором предлагал исправить ошибки на карте, приложенной к проекту мирного договора. Вопрос об островах напрямую в меморандуме не поднимался, но явно подразумевался. США и Великобритания выступили с поддержкой румынской делегации, поставив при этом вопрос о принадлежности Румынии островов в устье Дуная. Советский представитель А.Е. Богомолов отверг эти предложения, подчеркнув, что в записке Тэтэреску ничего не говорится об островах. В преддверии подписания мирного договора Тэтэреску намеревался еще раз поднять этот вопрос, но столкнулся с категорическим отказом со стороны главы правительства Румынии П. Грозы и коммунистов. Со своей стороны Гроза попросил коммуниста Э. Боднэраша поставить перед советским правительством вопрос о компенсации, имея в виду некоторые исправления советско-румынской границы после подписания мирного договора. При этом он сослался на свой разговор с И.В. Сталиным, который состоялся в сентябре 1945 г. во время посещения Москвы румынской правительственной делегацией. В этом разговоре Сталин якобы обещал ему произвести некоторые корректировки советско-румынской границы. Докладчица подчеркнула, что ни подтвердить, ни опровергнуть заявление Грозы, к сожалению, пока что не представляется возможным, так как исследователи не располагают информацией о содержании беседы.

В итоге в мирном договоре с Румынией, который был подписан 10 февраля 1947 г., констатировалось, что границы между Румынией и Советским Союзом фиксируются в том виде, как они были установлены на 1 января 1941 г. Таким образом, острова в дельте Дуная и остров Змеинный, расположенный в Черном море, оставались за СССР.

Выступление *Е.Б. Лопатиной* было посвящено проблеме западной границы Польши в конце Второй мировой войны. Докладчица подчеркнула, что необходимость изменения западной границы рассматривалась в Польше как в межвоенный период, так и во время Второй мировой войны. То, что польская общественность обсуждала амбициозные планы расширения польской территории в западном направлении, косвенно подтверждают литературные произведения 1930-х годов: очерк «Земля собирает пепел» Ю. Киселевского и роман С. Жеромского «Ветер с моря». В первом произведении автор описывает свои поездки по Германии в 1937 г. и в июле 1938 г., он знакомит польского читателя с положением славян в Померании и Мекленбурге. Роман Жеромского повествует об исторических эпизодах освоения поляками побережья Балтики. Оба автора подводили читателей к выводу, что западная граница Польши 1930-х годов представляла угрозу для безопасности государства. Во время Второй мировой войны реальную власть и возможность изменить польскую границу на западе имели две политические группы. Первая была представлена польским правительством в Лондоне и связанными с ним организациями в самой Польше, которые стремились не только расширить западные границы, но и сохранить земли на Востоке. Иную точку зрения представляли политические организации левой ориентации как в Польше, так и на территории СССР, которые выступали за трансформацию Польши в мононациональное государство за счет перенесения границ на запад и отказа от тех территорий на востоке, где проживали украинцы, белорусы и другие национальные меньшинства.

Польское правительство в эмиграции сформулировало свою позицию по западным границам к 1942 г. Концептуально идея западной границы основывалась на трех постулатах – «прозрачность» (легкость осуществления контроля за перемещением населения и товаров в мирное время и возможность закрытия границы во время войны), «лаконичность» (небольшая протяженность на открытых участках), «защищенность» (невозможность быстрого пересечения границы). Премьер-министр В. Сикорский заявил о необходимости вернуть в состав Польши Восточную Пруссию, Верхнюю Силезию и часть Поморья, но при этом Львов должен был остаться в составе Польши. Позиция левых сил в концентрированном виде была представлена в 1943 г. в Программе Союза польских патриотов: приращение территорий на западе страны должно было повлечь за собой депортацию или репатриацию населения, проживавшего на этих землях. Левые силы отвергали теорию «двух врагов» и не настаивали на сохранении территорий на востоке, в том числе Львова, как бы драматично это ни было воспринято польской общественностью.

Решение по западной границе Польши было принято на Потсдамской конференции летом 1945 г. и стало результатом усилий как лондонского правительства, так и левых сил. Однако безоговорочное выполнение программы эмигрантского правительства было заведомо нереалистичным, поскольку при этом не учитывался внешнеполитический фактор в лице СССР, а также позиции Англии и США. Именно отказ от притязаний на восточные кресла, содержащийся в программе

польских коммунистов, дал возможность польской стороне провести западную границу по рекам Одер и Нейсе.

А.Ф. Носкова продолжила польскую тематику, рассмотрев проблему восточной границы. Она отметила, что с осени 1939 г. англичане напоминали полякам, что это они в 1920 г. предложили «линию Керзона» с тем чтобы, увеличив Польшу за счет Германии, отделить земли, населенные преимущественно украинцами и белорусами и тем самым урегулировать отношения с Советским Союзом. Польша настаивала на *restitutio in integrum* и состоянии войны с СССР, ее союзники – Англия и Франция избрали нейтралитет. После 22 июня 1941 г. Черчилль и Сталин были, по разным геополитическим причинам заинтересованы в восстановлении контактов Польши с Россией, но оба молчали о гарантиях границы 1921 г. В декабре 1941 г. польский премьер Сикорский не поддержал Сталина по вопросу о компенсации восточных кресов Польши за счет западных земель Германии, Черчилль же такой вариант не отверг. Для Сталина открылась возможность переложить на Великобританию принуждение союзницы к отказу от границы 1921 г. Ситуация, сложившаяся на тот момент, позволяла Польше избежать своего отказа от кресов и тем самым сохранить поддержку правительства польским обществом. Весной 1943 г. стало очевидным единство союзников с Москвой в решении территориального вопроса в пользу СССР и за счет Германии. Для Москвы, Лондона и Вашингтона, объединившихся с целью разгрома Германии, претензии Польши по восточной границе, в отличие от самой Польши, становились вторичным интересом.

Докладчица подчеркнула, что правительство Польши и командование военно-политического подполья рассчитывали на территориальные приобретения на востоке и на западе Европы после войны, о чем свидетельствует документ «Польские территориальные цели войны с точки зрения оборонспособности государства» [З. Док. № 222. С. 420–428]. Авторы – командование Армии Крайовой (АК) – утверждали, что оборонспособность страны связана с размером территории, численностью, этническим составом народонаселения, экономическими возможностями и наличием плацдармов на своей территории. Вопрос о восточной границе зависел от состояния России в конечной фазе войны. Авторы документа считали, что если она будет сильна и консолидирована, то на востоке надо будет сохранить границы 1921 г. с включением Литвы в состав Польши, а также присоединением к Литве «как минимум части Курляндии». Эти меры оценивались как временная отсрочка «неотвратимого польско-русского конфликта», который будет угрожать Польше до тех пор, пока Россия не лишится своих «империалистических тенденций». В том же случае, если Россия будет ослаблена и разобщена, представляется возможность сохранить независимость Латвии и Эстонии, отторгнуть от России Белоруссию и Украину, а также добиться их военного и политического соединения с Польшей. Документ был отправлен в правительство осенью 1943 г., а к С. Миколайчику поступил 10 января 1944 г. К этому времени «Большая тройка» в Тегеране уже решила польский вопрос, Красная армия пересекла довоенную границу, а в польском подполье действовали иные, близкие СССР, претенденты на власть, когда была ясна невозможность АК ни противостоять Красной армии, ни сотрудничать с ней, что произошло весной на Вольни. В этих условиях оставался лишь политико-дипломатический канал борьбы за восточную границу.

Попытка Миколайчика разыграть на внешней арене политический спор с СССР в первые месяцы 1944 г. натолкнулась на твердую позицию соседа и слабую поддержку союзников, а после прибытия Польского комитета национального освобождения (ПКНО) в Люблин ситуация правительства в Лондоне изменилась. Черчилль, игравший свою партию за английское влияние в Польше, усиленно хлопотал о прямых переговорах со Сталиным и ПКНО. Сталин пошел навстречу просьбам из Лондона о приеме Черчилля и Миколайчика. Польский премьер получил шанс на компромисс, ибо был нужен Сталину в любой из его разных ипостасей: 1) как премьер в Лондоне (ради восстановления отношений при условии признания границы 1941 г.); 2) как премьер коалиционного правительства в Люблине (ради сохранения и укрепления «нужных» людей во власти); 3) как лидер крупнейшей крестьянской партии, способной обеспечить массовую базу новой власти. В обмен на польское согласие передвинуть границу 1921 г. Сталин допускал любой из перечисленных вариантов, но более желательным была коалиция Миколайчика с польскими коммунистами. Участие союзников в этом процессе также было необходимо, поэтому он пошел навстречу просьбам Черчилля. Предметом бесед в Москве в августе и октябре 1944 г. была именно восточная граница. Главная задача Черчилля – уговорить поляка признать границы 1941 г. и прибыть в Польшу не была решена. Черчилль, пользуясь далеко не дипломатическими приемами, добился от Миколайчика лишь проявления неопределенности: польский лидер не обещал ни согласия на эту границу, ни участия во власти. А.Ф. Носкова предположила, что Миколайчик скорее склонялся к тому, чтобы вернуться в Польшу и возглавить там коалицию с коммунистами. Однако в Лондоне он оказался без поддержки кабинета, под угрозой отставки и превосходившим все нормы приличия давлением

Черчилля, не оказал ему поддержки и Рузвельт. Премьер подал в отставку. Граница была де-факто признана союзниками в Ялте (февраль 1945 г.), что не решало проблему массовой базы новой власти. Авторитет Миколайчика в Польше оставался высоким, он все еще был нужен Сталину. Весной 1945 г. бывший премьер, вновь под влиянием Черчилля, публично признал границу 1941 г. и летом возвратился в Польшу. Он получил пост вице-премьера и министра, чем поспособствовал международному признанию правительства национального единства, утверждению границы в Потсдаме и устранению правительства в эмиграции в 1945 г. Поучаствовав в январе 1947 г. в легитимизации власти (выборы), осенью Миколайчик выехал в эмиграцию, тогда же граница была несколько уточнена в пользу Польши.

Таким образом, «лондонское правительство», говоря о восточной границе 1921 г., отстаивало не болота на Припяти, а возвращение к власти той элиты, которая в войне против «Советов» вместе с тысячами поляков победила Россию в 1920-м, получила границу в 1921-м, заселила кресла и тем самым обеспечила себе национальное доверие польского большинства в межвоенное и военное время. Сохранение или утрата этой границы виделась условием сохранения или утраты доверия и власти в стране после войны.

Секцию завершило выступление *А.С. Стыкалина*, посвященное австрийско-венгерской границе в межвоенный и послевоенный периоды, изменению ее функций и вкладывавшегося в нее символического содержания. По Трианонскому договору 1920 г. Венгрия была вынуждена уступить территории не только Румынии, Чехословакии и Королевству сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии), но и Австрии. Последней отошла вытянутая с севера на юг узкая полоса на крайнем западе исторической Венгрии, составившая потом одну из австрийских федеральных земель – Бургенланд. Преобладающую часть населения там составляли немцы, однако державы-победительницы руководствовались не столько этническим принципом, сколько прагматическими соображениями, что Вене нужен восточный тыл, иначе она оказалась бы пограничным городом. При этом в наиболее крупном городе – Шопроне решено было провести референдум относительно его будущей государственной принадлежности, и составлявшие большинство населения города немцы, как и венгры, высказались за то, чтобы город остался в составе Венгрии. А.С. Стыкалин подчеркнул, что в этом случае историческое сознание перевесило этническое: шопронские немцы привыкли считать себя именно венгерскими немцами и проявили верность своим государственным традициям.

В межвоенный период австрийско-венгерские отношения были корректными, а граница спокойной, хотя при более либеральном до конца 1920-х годов режиме в Австрии Вена, к неудовольствию будапештских властей, долгое время выступала пристанищем для противников режима Хорти, в том числе революционеров, бежавших после подавления венгерской коммунистической диктатуры 1919 г. После прихода Гитлера к власти в Германии хортисты пытались активизировать контакты с Австрией в расчете на то, что внешнеполитическая комбинация с участием Италии, Польши и Австрии сможет стать в некоторой степени противовесом все возрастающему диктату Третьего рейха. С аншлюсом Австрии в марте 1938 г. сложилась новая ситуация: нацистская Германия стала соседом Венгрии и у нее появилось больше возможностей для прямого шантажа. В условиях начавшейся Второй мировой войны правительство графа П. Телеки поначалу пыталось балансировать между Германией и западными демократическими державами, но все же вынуждено было уступить диктату Берлина, подключившись в апреле 1941 г. к антиюгославской кампании, причем сам Телеки, не способный воспротивиться германскому шантажу, застрелился.

После Второй мировой войны, с установлением к 1948 г. «железного занавеса», венгерско-австрийская граница стала границей «двух миров». Войска четырех держав-победительниц только в 1955 г. покинули Австрию, причем вывод советских войск привел к увеличению их контингента в соседней Венгрии, что стало там источником дополнительной внутренней напряженности. Осенью 1956 г., в ходе событий, ставших для Австрии пробным камнем законодательно закрепленного нейтралитета, венские власти своими действиями никак не хотели давать поводов для обвинений во вмешательстве во внутренние венгерские дела, хотя такого рода безосновательные обвинения звучали в пропаганде СССР и всего советского блока. Эффективные действия Вены (при содействии структур ООН) по временному приему в ноябре – декабре 1956 г. венгерских беженцев в условиях массового исхода (около 200 тыс. человек) и обеспечению их переселения в другие страны повысили авторитет Австрийской республики на международной арене.

Начиная уже с апрельского 1957 г. визита А.И. Микояна, намечается позитивная динамика в развитии советско-австрийских, а параллельно и венгерско-австрийских отношений. Со временем меняется и сам образ австрийско-венгерской границы в официальном венгерском дискурсе и пропаганде: из символа «железного занавеса», границы «двух миров», через которую засылают шпионов и диверсантов, она превращается в символ мирного сосуществования двух систем. С середины 1960-х снимается

и большая часть пограничных заграждений. Довольно ровными и прагматичными были и личные отношения Я. Кадара с австрийским канцлером (с 1970 г.) социал-демократом Б. Крайским. В начале 1980-х годов между странами устанавливается безвизовый режим — Венгрия стала первой страной Организации Варшавского Договора, пошедшей на такой шаг в отношениях с некоммунистическим государством. Символом стирания границы «двух миров» и сближения двух стран стал «Панъевропейский пикник» 19 августа 1989 г. Приехавшие в более «либеральную» Венгрию в качестве туристов граждане ГДР массово устремились на Запад через венгерско-австрийскую границу, поскольку это был самый безопасный путь покинуть «мир социализма».

Подытоживая свое выступление, А.С. Стыкалин отметил, что после вступления посткоммунистической Венгрии в ЕС граница «двух миров» растворилась в общеевропейском пространстве. Однако границы имеют свойство снова появляться с возникновением новых, ранее непредвиденных обстоятельств — будь то наплыв беженцев с Ближнего Востока или пандемия COVID-19.

Вторая секция «Центральная Европа и Балканы как пространство межблокового противостояния и взаимодействия» открылась выступлением *Т.В. Волокитиной*, которое было посвящено проблеме мирного урегулирования в одной из конфликтных зон балканского региона — Западной Фракии. Эта небольшая территория, расположенная на северном побережье Эгейского моря, являлась объектом взаимных притязаний Турции, Греции и Болгарии.

Болгаро-греческие территориальные споры имеют длительную историю, но особую остроту они приобрели в годы Второй мировой войны, когда Болгария и Греция оказались на разных флангах мирового противостояния. Это обстоятельство сыграло важную роль в определении послевоенной судьбы каждой из стран и исходе спора за Западную Фракию. Болгария, выступившая на стороне фашистской Германии и оккупировавшая часть греческой и югославской территорий, на исходе войны стремилась сбросить с себя клеймо страны-сателлита и обрести статус «совоюющей», чему резко противилась Греция — участница Антигитлеровской коалиции. В расчете на поддержку союзников, прежде всего Великобритании, греческая сторона сформулировала свои требования не только на возвращение Западной Фракии и части Восточной Македонии, но и на «стратегическое исправление» болгаро-греческой границы, означавшее перенос ее к северу и отъем у Болгарии примерно одной десятой части территории. Обоснованием служили исторический прецедент — немотивированная агрессия против Греции в 1913, 1916, 1940 и 1941 гг. и намерение обезопасить страну от «славяно-коммунистической угрозы». Лондон поддерживал требования греков, советская же сторона оказалась в сложном положении. Естественная ранее позиция Москвы — «наказать» болгар за участие в Тройственном пакте изменилась, после того как Болгария в результате известного «процентного соглашения» оказалась в сфере интересов Советского Союза. Исход территориальных споров обусловливался «большой политикой» — геополитическими расчетами главных акторов международной жизни.

Изнурительные дискуссии на Парижской мирной конференции 1946 г. не решили спорных вопросов. Они рассматривались на сессии Совета министров иностранных дел в Нью-Йорке в ноябре-декабре 1946 г. Греческая и болгарская стороны в очередной раз в специальных меморандумах обосновали свои позиции, однако взаимные претензии вновь были отклонены. Мирный договор с Болгарией от 10 февраля 1947 г. определил границы страны «такими, как они существовали на 1 января 1941 года», т.е. до присоединения Болгарии к Тройственному пакту, но добиться через греческую территорию выхода в Эгейское море Болгарии не удалось. Много позднее, в начале ноября 1978 г., в одной из бесед с В.М. Молотовым поэт и писатель Ф. Чуев (1941–1999) спросил о причинах, по которым не удалось передать Болгарии Западную Фракию. Молотов ответил, что тогда это было невозможно, хотя и желательно. Эта оценка, по мнению Волокитиной, отразила тот факт, что советская сторона, соблюдая договоренности с западными союзниками, действовала на пределе возможного и что территориальные вопросы рассматривались под углом зрения геостратегии, отнесенная этнические, исторические, экономические и прочие доводы и, уж тем более, апелляции к восстановлению «справедливости».

Доклад *Б.С. Новосельцева* касался внешнеполитического курса Югославии в 1950–1960-е годы, который в публицистической и научной литературе нередко назывался «бегством из Европы». Как правило, авторы использовали это определение, стремясь подчеркнуть свое сожаление от ошибочной, на их взгляд, политики руководства страны, отдававшей приоритет сотрудничеству со странами «третьего мира» в рамках политики неприсоединения в ущерб развитию отношений с развитыми западноевропейскими государствами. Сторонники же неприсоединения обосновывали целесообразность такого курса прежде всего политическими причинами — возможностью более эффективно лавировать между сверхдержавами. При этом Югославия получала преимущества от торгового, экономического и научного сотрудничества с ними. Уже в 1950-е годы значительный долг ФНРЮ

западным странам не мог быть полностью оплачен за счет экспорта югославской продукции. Стремясь стать одним из лидеров внеблоковых стран, подавляющее большинство которых относилось к так называемому третьему миру, Югославия периодически мимикрировала под развивающуюся, практически колониальную страну. Это играло важную роль в изменении пространственных и политических контуров сопротивления колониальных стран.

Б. С. Новосельцев предложил при описании Югославии как своего рода «серой зоны» в Европе, которая не относится ни к глобальному Западу, ни к Востоку, но, по задумке руководства страны, тяготеет к глобальному Югу, использовать термин *лиминальное пространство* (от лат. *limen* – порог). Это понятие было введено этнологами Арнольдом ван Геннепом [1] и Виктором Тернером [4]. Они изучали традиционные общества и ритуалы перехода их членов в новые для себя социальные категории. Со временем термин получил широкое распространение и теперь трактуется филологами, социологами, философами, урбанистами и другими расширительно как некое пороговое, переходное состояние или пространство в принципе. Такая оптика позволяет описать политическое пространство и внешнеполитический курс Югославии как систему в процессе изменения ее важнейших идентификационных свойств: социалистическую страну, переставшую быть частью советского блока; европейское государство, оказавшееся во главе движения стран «третьего мира». Лиминальность позиции Югославии давала ее дипломатам возможность эффективно лавировать между реалиями «холодной войны», выстраивать диалог со всеми партнерами с позиции «своих», одновременно развивать сотрудничество с ними и претендовать на роль посредника. Таким образом, Югославия пыталась добиться такой роли и политического влияния в мире, которые были несопоставимы с ее размерами, уровнем экономического развития или военным потенциалом.

Н. С. Пилько рассказала о состоянии словенской западной границы после Второй мировой войны. Проблема южнословенских земель и вопрос словенского меньшинства в Италии возник сразу же после Первой мировой войны. После заключенного 3 ноября 1918 г. перемирия между Австро-Венгрией и Антантой Италии было позволено занять австро-венгерские земли, которые именовались Юлийской Краиной, до линии, установленной тайным Лондонским договором. Переговоры продолжились и завершились подписанием Рапальского договора в ноябре 1920 г. К Италии, помимо Горицы, Триеста, Истры с островами, отошли земли Внутренней Краины, а на севере по Сен-Жерменскому договору (10 сентября 1919 г.) – Каналска долина с г. Трбиж. На этих территориях проживало 360 тыс. словенцев и 160 тыс. хорватов. Рапальский договор практически не предусматривал защиты их прав в Италии, зато в нем содержалась седьмая глава, которая защищала права итальянцев Далмации.

Вторую мировую войну Югославия завершила в стане победителей. Вопрос о разделе Юлийской Краины стоял довольно остро. 9 июня 1945 г. в Белграде было подписано соглашение между Югославией, с одной стороны, и США и Великобританией – с другой. Юлийская Краина была разделена на зону «А» и зону «Б», границей между которыми стала так называемая линия Моргана. До мирной конференции зоной «А» управляли англо-американские представители, зоной «Б» – югославские вооруженные силы. В результате компромисса Триест и прилегающие к нему территории должны были стать так называемой свободной территорией Триест, находящейся под контролем ООН. По мирному договору с Италией от 15 февраля 1947 г. (вступил в силу 15 сентября 1947 г.) Югославия получила острова на Адриатике, Задар, большую часть Истры и Приморье. Триест получил статус свободного порта. «Свободная территория Триест» должна была быть демилитаризована и объявлена нейтральной. Словения получила почти всю этническую территорию, но осталась без выхода к морю. Триестский вопрос был решен 5 октября 1954 г. в Лондоне подписанием Меморандума о согласии, по которому устанавливалась новая граница между Италией и Югославией, которая сейчас является словенско-итальянской границей. Югославии перешла зона «Б» и небольшая часть зоны «А». Окончательно эта граница была подтверждена Осимскими соглашениями 1975 г. К Словении отошел г. Копер, и она получила выход к морю.

В приграничных регионах Италии как после Второй мировой войны, так и в настоящее время проживает значительное число словенцев. В районе Триеста, согласно переписи 1954 г., их было почти 40 тыс., а по переписи 1961 г., где в качестве главного критерия использовался употребляемый язык, – 26 тыс. По переписи 1971 г., где также основным критерием был язык, там проживало 24 тыс. словенцев. Докладчица отметила, что данные переписей, а также результаты проводившихся исследований свидетельствуют об ассимиляции словенского населения.

Таким образом, словенская территория увеличилась практически в два раза в западном направлении, помимо значительных территорий словенцы получили и выход к морю. Согласно договору с Италией 1947 г., Словения, по сравнению с Дравской бановиной (площадь 15 849 кв. км), увеличилась практически на четверть (4 406 кв. км), а в 1954 г. получила еще 263 кв. км от триестской

свободной территории. До этого столица Словении Любляна практически была приграничным городом, однако до сих пор потеря Триеста воспринимается словенцами довольно болезненно.

Третья секция «Регионы в контексте холодной войны. Повседневная жизнь людей при смене границ и власти» открылась выступлением С.М. Слоистова, которое было посвящено стабилизации положения польского национального меньшинства в Чехословакии во второй половине 1940-х годов. После распада Австро-Венгрии Тешинская Силезия являлась спорной территорией между ЧСР и Польшей. В 1919 г. часть этой территории была занята чешскими войсками и позже включена в состав Чехословакии. В результате ослабления Чехословакии после подписания Мюнхенского соглашения 1938 г. западная часть Тешинской Силезии была присоединена к Польше. После освобождения этой территории Красной армией регион снова стал контролироваться чешской стороной. В 1947 г. между Чехословакией и Польшей был подписан договор о дружбе и взаимопомощи, что заложило прочные юридические основы для нормализации жизни польского национального меньшинства.

С.М. Слоистов предложил рассмотреть ситуацию в Тешинской Силезии с двух ракурсов. С одной стороны, как взаимодействие между двумя актерами – Польшей и Чехословакией, при котором регион воспринимался в большей степени как часть польского или же чешского пространства. С другой стороны, как взаимодействие между тремя игроками, где Тешинская Силезия уже выступает в качестве самостоятельного региона, т.е. исторически сложившейся территории со своей этнокультурной спецификой.

Докладчик подчеркнул, что представленный им подход позволяет структурировать факторы, влияющие на обстановку в регионе, тем самым более комплексно исследовать процессы польско-чешского взаимодействия. Рассматривая ситуацию с перспективой противоборства ЧСР и Польши, можно детализировать связи Тешинского вопроса с другими территориальными проблемами Чехословакии: выселение немцев, положение словацких венгров, передача СССР Подкарпатской Руси, претензии Чехословакии на приграничные районы Силезии, которые ранее контролировала Германия. Если же анализировать обстановку, учитывая культурный код региона, то можно более глубоко понять электоральные предпочтения жителей Тешинской Силезии и обусловленный этим успех КПЧ среди ее населения на выборах 1946 г.

А.Р. Лагно посвятила выступление сравнению повседневного пространства жизни двух сел польско-украинского пограничья. Она отметила, что на протяжении XX в. села Лазы и Лозовая несколько раз меняли свою административную и государственную принадлежность. Сегодня они находятся в соседних государствах: первое – в Подкарпатском воеводстве Польши, а второе – в Тернопольской области Украины. Во времена Второй Польской Республики эти села были в одном государстве, но в соседних воеводствах: Львовском и Тернопольском, а до Первой мировой войны – на территории австро-венгерской провинции Королевство Галиции и Лодомерии. Через биографию жителей этих сел – М. Лозовского (1922 г.р, с. Лазы) и Я. Канаса (1920 г.р., с. Лозовая) Лагно описала события двух мировых войн, передвижение границ и миграции населения. Она отметила, что уроженец села Лазы (которое ныне находится на территории Польши) считал себя украинцем и написал книгу о своем селе на украинском языке, а уроженец Лозовой (села в составе Украины), идентифицировал себя как поляк и книгу свою написал по-польски. Оба автора после войны на свою малую родину не вернулись.

И Лазы, и Лозовая во времена Первой мировой войны находились на линии фронта, в обоих селах были расквартированы войска, а военнообязанные мужчины призваны в австрийскую армию. Поскольку авторы книг родились уже после окончания войны, жизнь сел в тот период описана на основании рассказов старших односельчан, и повествование зачастую имеет анекдотический характер. Вторая мировая война изображена Лозовским и Канасом уже совсем в других красках. Оба автора пишут о мобилизации односельчан 2 и 3 сентября 1939 г., о вступлении Красной армии, о серьезных изменениях, которые произошли после этого, о репрессиях, о том как их села 22 июня 1941 г. были заняты немцами, а в 1944 – снова Красной армией. Оба автора и Германию, и Советский Союз называют «оккупантами» и описывают насколько сильно ухудшились за время войны отношения между поляками и украинцами. В обоих селах практически полностью поменялся состав населения. Еще до завершения войны и до заключения договора о границе между Польшей и СССР – 9 сентября 1944 г. – было заключено соглашение об обмене населением между ПКО и УССР. Украинское население из Польши должно было переехать в «свою» республику – УССР, а поляков активно поощряли переселяться с тех территорий, которые более не принадлежали польскому государству. Жители Лаз и Лозовой добровольно покидать свои дома не хотели, однако были вынуждены подчиниться обстоятельствам.

Подытоживая, А.Р. Лагно отметила, что авторы – Лозовский и Канас, несмотря на все перипетии, смогли реализовать, получить образование, сравнительно хорошо обустроить свою жизнь,

обеспечить себе достойную старость и заниматься на пенсии написанием книг. Их желание увековечить историю своих родных сел было продиктовано кардинальными изменениями, которые их постигли, изменениями, сопровождавшимися зачастую весьма трагическими событиями. В целом попытка взглянуть на прошлое глазами «маленького человека», анализ способов поведения, привычек, семейных и общественных традиций, которые передаются из поколения в поколение, позволяют продемонстрировать сходства и различия в описании себя и «других».

Круглый стол завершило выступление М. Ю. Дронова, которое было посвящено истории Пряшевщины с XIX по XXI в. Докладчик отметил, что в настоящее время под понятием *Пряшевщина* понимаются русинские (или, по мнению некоторых, украинские) этнические территории в Словакии, при этом Дронов обратил внимание, что Пряшевщина не идентична Прешовскому краю Словацкой Республики, а ее рубежи (особенно на западе и юге) остаются предметом дискуссий.

Докладчик отметил, что первый исторический прецедент выделения западных русинских этнических территорий в границах будущей Словакии можно усмотреть в образовании Прешовской греко-католической епархии в 1815–1821 гг. Примечательно, что сам г. Прешов (русск. устар. *Пряшев*, венг. *Этереш*, нем. *Прешау*) располагался на словацкой этноязыковой территории, а значительную часть горожан составляли немцы и венгры. Однако с основанием здесь епархиального центра, появлением различных греко-католических институций русины постепенно пополнили сложную этнокультурную мозаику Прешова и ближайших окрестностей.

После Первой мировой войны по Сен-Жерменскому (1919 г.) и Трианонскому (1920 г.) мирным договорам большая часть русинских этнических территорий, входивших до этого в Венгерское королевство, стала частью новообразованной Чехословакии, где эти земли были разделены между двумя административными единицами государства: Подкарпатской Русью и Словакией. Основу русинских земель, оказавшихся в Словакии, составила Прешовская епархия (без ее южной части, отошедшей Венгрии), при этом в словацких границах оказалась и западная оконечность Мукачевской епархии. Хотя русинские активисты добивались вхождения всех районов расселения русинов в Подкарпатскую Русь, в 1928 г. изначально временные административные границы были окончательно закреплены. За русинскими землями в Словакии в этот период постепенно утвердилось название *Пряшевщина*. Концепция Пряшевщины как региона изначально подвергалась критике со стороны словацких деятелей; особенное неприятие отмечалось в период Словацкой Республики (1939–1945 гг.).

После освобождения Прешова 1 марта 1945 г. здесь состоялся съезд, на котором была создана Украинская народная рада Пряшевщины (УНРП). Право рады представлять русинское население признавалось Словацким национальным советом. Использование в названии УНРП слова *украинская* было обусловлено приближением к советской национальной политике, в соответствии с которой признавалось существование трех восточнославянских народов: русских, украинцев и белорусов, при этом организация состояла преимущественно из сторонников «общерусской» идеи. Печатным органом УНРП стала газета «Пряшевщина» (выходила в 1945–1951 гг. на русском и украинском языках). После февраля 1948 г. УНРП стала нежелательной для нового режима и через несколько лет была ликвидирована. В 1950-х годах началась активная административная украинизация русинского населения. Русины были официально объявлены украинцами, литературным языком нацменьшинства стал украинский. Вместо УНРП был создан Культурный союз украинских трудящихся. Место газеты «Пряшевщина» занял еженедельник «*Нове життя*» («Новая жизнь»). Однако несмотря на исчезновение термина *Пряшевщина* из официальных названий, он отнюдь не перестал использоваться местными национальными активистами, в том числе на страницах украинизированной национальной печати. Таким образом, термин сохранился для «внутреннего» употребления. Пришедшее в регион на волне общественно-политических изменений конца 1980-х – начала 1990-х годов карпаторусинское национальное движение, декларирующее этноязыковую самостоятельность русинов в славянском мире, продолжило рассматривать северо-восток Словакии как *Пряшевщину* и даже *Пряшевскую Русь*.

Завершая свое выступление, М. Ю. Дронов констатировал, что прообраз региона зародился в начале XIX столетия вместе с созданием самостоятельной Прешовской епархии. Окончательно концепция вместе с названием *Пряшевщина* сформировалась уже в период межвоенной Чехословакии, когда самые западные русинские этнические территории навсегда оказались в административных границах Словакии. В 1945 г. на несколько лет Пряшевщина начала приобретать политическую субъектность и, как следствие, более четкие территориальные очертания, однако вследствие внутривосточной конъюнктуры региону так и суждено было остаться исключительно «воображаемой» этнокультурной областью.

* * *

Подводя итоги круглого стола, А.Р. Лагно отметила, что заслушанные доклады и их обсуждение подтвердили научную значимость и актуальность проблемы границ. Выступавшие сосредоточили свое внимание в основном на вопросах территориального разграничения в Восточной Европе после Второй мировой войны, однако доклады выходили за указанные временные рамки, охватывая более ранние периоды, что способствовало восстановлению картины исторического прошлого. В общественных представлениях государственные территории нередко сохраняют уже несуществующую конфигурацию, ментальные границы не совпадают с реальными, а последние подчас вызывают ностальгию по старым фантомным рубежам, по былому (действительному или мнимому) величию находившихся в их пределах государств. А.Р. Лагно подчеркнула, что конструирование некой формы виртуального ограждения путем включения (или исключения) стран, регионов, этнических групп, людей в различные пространства, будь то «мир социализма», «мир капитализма», «третий мир» или более узкие локальные «миры», укрепляет и воспроизводит территориальную и политическую идентичность населения. Изучение указанных проблем, объединенных в рамках научного направления «Титульные нации, нацменьшинства, территории, границы» остается в актуальной повестке дня научно-исследовательской работы Института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Геннеп А., ван.* Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
2. *Колосов В.А.* Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2017. № 5. С. 4–11.
3. Советский Союз и польское военное-политическое подполье апрель 1943 г.— декабрь 1945 г. Т. 1. Ч. 1 / под ред. А.Н. Артизова. М.: МФД, 2018. 864 с.
4. *Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
5. *Hirschhausen B., von, Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T.* Phantom Borders in Eastern Europe: A New Concept for Regional Research // *Slavic Review*. 2019. No. 2 (78). P. 368–389.

REFERENCES

- Gennep A., van. *Obriady perekhoda: sistematicheskoe izuchenije obriadov*. Moscow, Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN Publ., 1999, 198 p. (In Russ.)
- Hirschhausen B., von, Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T. Phantom Borders in Eastern Europe: A New Concept for Regional Research. *Slavic Review*, 2019, no. 2 (78), pp. 368–389.
- KolosoV V.A. Fantomnye granitsy kak fenomen v politicheskoi geografii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 5. Geografiia*, 2017, no. 5, pp. 4–11. (In Russ.)
- Sovetskii Soiuz i pol'skoje vojenno-politicheskoe podpol'je april' 1943 g. — dekabr' 1945 g., t. 1, ch. 1*, pod red. A.N. Artizova. Moscow, MFD Publ., 2018, 864 p. (In Russ.)
- Terner V. *Simvol i ritual*. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva Nauka Publ., 1983, 277 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Лагно Анна Романовна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
ORCID: 0000-0001-6914-2312
E-mail: LagnoAnna@gmail.com

Information about the author:

Lagno Anna R.,
PhD (History), senior research fellow,
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-6914-2312
E-mail: LagnoAnna@gmail.com